

Николай Михайлович

**Дипломатические сношения
России и Франции по
донесениям послов
Императоров Александра и
Наполеона. 1808-1812**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н63

Н63 **Николай Михайлович**
Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императоров Александра и Наполеона. 1808-1812: Том 1 / Николай Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2014. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-9728-4

по донесениям послов Императоров Александра и Наполеона 1808-1812 г.
г.

ISBN 978-5-4241-9728-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ.

Въ настоящемъ трудѣ читатель найдетъ донесенія, писанныя французскими послами Коленкуромъ и Лористономъ изъ Петербурга Императору Наполеону и министру иностранныхъ дѣлъ Шампаньи (Champagne, duc de Cadore), а также донесенія князя Александра Борисовича Куракина изъ Парижа Императору Александру и канцлеру графу Н. П. Румянцеву; кромѣ того, напечатаны инструкціи посламъ министровъ иностранныхъ дѣлъ французскаго и русскаго. Къ этому добавлены частныя письма князя Куракина Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ *) и письма графа Нессельроде, адресованныя Сперанскому за 1810 и 1811 года, часть которыхъ недавно напечатана въ III томѣ издаваемыхъ въ Парижѣ его внукомъ мемуаровъ.

Печатаая цѣликомъ въ первый разъ эти официальные и частныя документы французскаго посла въ Петербургѣ и русскаго представителя въ Парижѣ, я надѣюсь пополнить пробѣлъ. Говорю пробѣлъ, потому что донесенія генерала Савари (Savary, duc de Rovigo) и графа Петра Александровича Толстого, предшественниковъ Коленкура и князя Куракина, были полностью

*) Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

напечатаны въ LXXXIII и LXXXIX томахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго общества, равно какъ и письма полковника А. И. Чернышова изъ Парижа Государю и канцлеру за 1809, 1810 и 1811 гг. въ XXI т. того же Сборника. Что касается донесеній Коленкура, то нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны Алберомъ Вандалемъ въ его книгѣ «Napoléon et Alexandre» и С. Татищевымъ «Alexandre et Napoléon», а на письма князя Куракина часто ссылался Н. К. Шильдеръ въ «Исторіи царствованія Императора Александра I»; цѣликомъ ни тѣ, ни другіе документы не были напечатаны въ Россіи, и мнѣ кажется не безынтересно ознакомить русскую читающую публику съ этими историческими памятниками отношеній двухъ монарховъ, предполагавшихъ одно время подѣлить между собою не только Европу, но и остальные части свѣта.

Тильзитскимъ свиданіемъ и подписаннымъ тамъ договоромъ долженъ былъ быть данъ новый толчокъ европейской политикѣ, и если Наполеонъ оставался послѣдовательнымъ въ принятой имъ системѣ, то, напротивъ того, Императоръ Александръ разомъ круто измѣнилъ свою политику, наперекоръ большинству своихъ совѣтниковъ и общественному мнѣнію Россіи. Много было писано по поводу этихъ событій русскими и особенно французскими историками и писателями, но едва ли до сихъ поръ вполне опредѣлилась роль cadaго изъ актеровъ Тильзитскаго свиданія. Ближе другихъ опредѣлилъ смыслъ этой исторической встрѣчи и ея послѣдствій А. Вандаль, хотя и онъ не остался вполне безпристрастнымъ въ оцѣнкѣ дѣйствій и помышленій обоихъ императоровъ.

Сознавая трудность своей задачи, постараюсь выяснить въ предисловіи не только роли монарховъ, но и ихъ главныхъ сотрудниковъ, изъ которыхъ ни одинъ ясно не понялъ тонкой игры, затѣянной Александромъ съ своимъ грознымъ соперникомъ Наполеономъ.

Тяжело должно было быть нравственное состояніе Императора Александра при встрѣчѣ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ.

Много противоположныхъ чувствъ волновало душу державнаго вѣнценосца: съ одной стороны, ощущеніе нѣкотораго униженія отъ недавнихъ поражений русскихъ войскъ при Аустерлицѣ и при Фридландѣ, съ другой—интересъ, наконецъ, увидѣть и лично вступить въ бесѣду съ непобѣдимымъ полководцемъ, съ гениальнымъ человѣкомъ, на котораго были устремлены всѣ взоры Европы.

Впечатлѣніе, сдѣланное Наполеономъ на Александра, было сразу чарующее, и съ первыхъ же часовъ свиданія императоръ французовъ сумѣлъ обворожить своего юнаго и, казалось, мало опытнаго соперника. Ловко обходя всѣ тѣ вопросы, которые могли бы оскорбить или уязвить самолюбіе Александра, Наполеонъ весьма умѣло воздѣйствовалъ на слабыя струны быстро схватывающаго ума русскаго Государя.

Трудно опредѣлить, насколько велико было увлеченіе Александра въ первые моменты Тильзитской встрѣчи, но увлеченіе было настолько сильно, что на всѣ предложенія Наполеона Александръ охотно шелъ ему навстрѣчу. Переговоры о мирѣ шли быстро, и обѣ стороны уже 25 іюня (7 іюля) 1807 года заключили мирный договоръ (*traité de paix*), отдѣльныя сек-

ретныя статьи (*articles séparés et secrets*) и союзный договоръ (*traité d'alliance*) *), подписанные съ нашей стороны князьями Александромъ Куракинымъ и Дмитриемъ Лобановымъ-Ростовскимъ, а съ французской—Талейраномъ. Самыя подписи русскихъ уполномоченныхъ свидѣтельствуютъ, что Императоръ Александръ старался избрать для такого важнаго историческаго договора нейтральныхъ сотрудниковъ, которые до сихъ поръ не имѣли случая проявить своихъ анти-французскихъ чувствъ.

Мы не видимъ на этихъ актахъ подписи министра иностранныхъ дѣлъ, барона Будберга, котораго, изъ любезности къ Наполеону, Александръ вовсе устранилъ отъ переговоровъ, хотя Будбергъ и вступилъ недавно въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ послѣ князя Адама Чарторыжскаго, открытаго врага франко-русскаго сліянія, и находился все время въ Тильзитѣ. Но нѣмецкое происхожденіе барона Будберга могло вселить нѣкоторое недовѣріе со стороны Наполеона, а на русское общество имена двухъ извѣстныхъ вельможъ вѣка Екѣтерины и Павла должны были произвести успокоительное дѣйствіе.

Между тѣмъ въ тѣ времена всѣ нападки оппозиціи, во главѣ которой стоялъ графъ Семень Романовичъ Воронцовъ, жившій въ Лондонѣ, и отходящихъ со сцены триумвировъ, были направлены на бездарнаго и безцвѣтнаго барона Будберга, которому ошибочно при-

*) Кроме того, была подписана «*convention additionnelle*» княземъ Д. Лобановымъ и Бертье, продиктованная лично Наполеономъ и одобренная Александромъ.

писывали сближеніе Императора Александра съ Наполеономъ. Не могу не признать этого явленія весьма характернымъ, потому что оно наглядно показываетъ, насколько люди, близко стоящіе къ особѣ Государя, какъ графъ П. Строгановъ и Новосильцовъ, могли заблуждаться въ истинныхъ намѣреніяхъ Императора Александра и такъ легко допустить мысль о новомъ вліяніи на русскаго Государя совсѣмъ ему мало извѣстнаго и устарѣлаго остзейца—Будберга. Но заблуждались и многіе другіе, и все Петербургское общество, предполагая, что Императоръ Александръ всецѣло отдался въ руки Бонапарта, подчинивъ интересы русской политики обаянію Наполеона.

Прослѣдивъ внимательно черты неуловимаго характера Александра Павловича, тонкому наблюдателю возможно было усмотрѣть еще въ самомъ Тильзитѣ нѣкоторые проблески того, что уже такъ ярко отгѣнилось при вторичномъ свиданіи съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ.

Самую униженную роль игралъ въ Тильзитѣ король Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій, котораго тщательно отстраняли отъ переговоровъ и избѣгали при своихъ продолжительныхъ бесѣдахъ и Александръ, и Наполеонъ. Но въ короткихъ промежуткахъ свиданія монарховъ, появлялся свѣтлый обликъ королевы Луизы прусской, къ которой Александръ не былъ вполнѣ равнодушенъ.

Въ минуты отчаянія за судьбу своей родины королева Луиза могла встрѣтить только одинъ привѣтливый взоръ въ томныхъ и улыбающихся глазахъ Александра и услышать энигматично успокоительную

фразу, сорвавшуюся изъ устъ русскаго Государя: «Все это къ лучшему, будущее покажетъ». А потому можно почти съ увѣренностью допустить, что, несмотря на всѣ кажущіяся увлеченія Александра въ Тильзитѣ и за послѣдующее сейчасъ время, онъ едва ли увлекался настолько, чтобы забыть все прошлое *) и не подумать серьезно о будущемъ.

Чувства тщеславія и самолюбія были какъ-будто удовлетворены, но едва ли уязвленное сознание недавняго прошлаго могло окончательно испариться. Оно и не испарилось.

Совсѣмъ другія чувства долженъ былъ испытывать Наполеонъ. Побѣдоносный ходъ событій его увлекающаго царствованія, невѣроятные успѣхи французскаго оружія въ Италіи, Австріи и Германіи, униженное состояніе духа германской націи и особенно Пруссіи**), наконецъ, самая быстрота хода этихъ громаднхъ успѣховъ требовали передышки.

Гордость Россіи удалось надломить въ 1805 году и въ послѣднюю кампанію 1807 года, но приходилось считаться съ мощью этого колосса, особенно имѣя еще другаго врага въ лицѣ англійскаго народа, всегда привыкшаго дѣйствовать систематично и настойчиво. И вотъ является случай открыть новую эру, приблизившись къ представителю Россіи, и лично съ нимъ войти въ прямиы сношенія.

*) Извѣстные намеки, сдѣланные Наполеономъ еще въ бытность первымъ консуломъ на Мартовскія событія 1801 года и на роль Александра, которые были хорошо извѣстны русскому монарху.

**) Возрожденіе Пруссіи началось въ концѣ 1807 года.

Имѣя даръ быстро распознавать людей и схватывать обстановку, Наполеонъ думалъ, что въ Тильзитѣ онъ вполне постигъ характеръ своего новаго союзника. Привлекательныя картины будущаго раздѣла вселенной между Россіей и Франціей, настойчивая, обоюдная борьба противъ могущества Англіи, всестороннее обсужденіе всѣхъ вопросовъ международной политики и усиленные фиміамы, направленные къ лицу обворожительнаго повелителя Россіи, заставили Наполеона вернуться въ Парижъ въ самомъ радужномъ расположеніи духа. Онъ безусловно вѣрилъ въ свою нравственную побѣду надъ Александромъ и собирался пожать новыя лавры, благодаря своей счастливой звѣздѣ и союзу съ Россіей *).

Но здѣсь именно ожидали его скорыя разочарованія.

Тотчасъ же послѣ Тильзитскихъ лобызаній, Наполеонъ командировалъ въ Петербургъ временно-уполномоченнаго, генерала Савари.

Выборъ нельзя признать вполне удачнымъ. Болѣе полиційствъ, чѣмъ генераль, мало обладавшій свѣтскимъ лоскомъ, Савари былъ еще не такъ давно однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ несчастномъ дѣлѣ разстрѣлянія герцога Ангіенскаго (1804 г.). Хотя Государь нашъ и принялъ французскаго генерала весьма ласково, старался всячески оказать ему любезности и почетъ, почти все петербургское высшее общество встрѣтило Савари недружелюбно, холодно и почти враждебно. Получая чуть ли не ежедневныя афронты

*) Несмотря на это, первые зародыши недовѣрія появились вскорѣ послѣ Тильзита.

отъ разныхъ представителей столичной знати, французъ недоумѣвалъ, бѣсился и не могъ скрыть своего негодованія, будучи убѣжденъ, что дружба монарховъ должна была быть раздѣлена и обществомъ. Конечно, Савари не могъ долго оставаться въ такомъ положеніи и былъ скоро замѣненъ Коленкуромъ, генераломъ, занимавшимъ мѣсто оберъ-шталмейстера (*grand-écuyer*) при Наполеонѣ. Это лицо пользовалось особымъ довѣріемъ императора французовъ, было уже раньше извѣстно нашему Государю (въ 1801 году) и, наконецъ, Коленкуръ былъ облеченъ титуломъ посла. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ Декабрѣ 1807 года.

Императоръ Александръ и тутъ предупредилъ своего новаго союзника въ любезности, назначивъ посломъ въ Парижъ графа Петра Александровича Толстого, который вручилъ свои вѣрительныя грамоты въ Фонтенблосъ еще 6 ноября (нов. стиля) того же года. Едва ли выборъ графа Толстого былъ подходящій.

Воинъ времянь императрицы Екатерины II, опытный генералъ, но вовсе не дипломатъ, открыто враждебный франко-русскому сліянію, притомъ человѣкъ недалъновидный и посредственныхъ способностей, графъ Петръ Александровичъ сознавалъ и самъ то неловкое положеніе, которое ему пришлось занять въ Парижѣ. Онъ только нехотя подчинился волѣ Самодержца, который, разъ кого-либо предназначивъ на отвѣтственное мѣсто, никогда не любилъ отступать отъ принятаго рѣшенія и успокоивался, только достигнувъ цѣли. Графъ П. А. Толстой плохо зналъ характеръ Императора Александра, не предугадывая, что жертва, которую онъ приносилъ своимъ собственнымъ убѣжденіямъ,

будеть скоро забыта Государемъ. Кромѣ того, графъ Толстой изъявилъ согласіе принять этотъ неудобный и отвѣтственный постъ, благодаря настояніямъ родного брата, графа Николая Александровича, оберъ-гофмаршала и постоянного спутника Императора въ его путешествіяхъ. Оберъ-гофмаршалъ испыталъ на себѣ неудовольствіе Александра еще въ Тильзитѣ и, какъ ловкій придворный, быстро подчинился, хотя скрѣпя сердце, новому курсу *).

Вандалъ весьма мѣтко дѣлаетъ портретъ новаго русскаго посла въ Парижѣ: «Никогда не подавалъ графъ П. А. Толстой никакой надежды на прочную дружбу между двумя государствами или не выражалъ желанія поспѣшествовать оной; ни въ чемъ не походилъ онъ на посланника дружественной націи, а скорѣе на парламентѣра, посланнаго въ непріятельскую главную квартиру вечеромъ, послѣ проиграннаго сраженія. Этотъ посланный взвѣшиваетъ всѣ свои слова, лицо его серіозно, скорбно, непроницаемо, больше всего старается онъ сохранить свое достоинство побѣжденнаго; вотъ по какому образцу, казалось, создалъ себѣ свою роль Толстой» (стр. 196, I т. «Наполеонъ и Александръ»).

Новый французскій посоль, генералъ Коленкуръ, прибылъ въ Петербургъ 5/17 декабря 1807 года и остановился въ особо приготовленномъ для него домѣ на набережной Невы. Это былъ человѣкъ весьма под-

*) Дѣло въ томъ, что, получивъ ленту Почетнаго Легіона, графъ Н. А. Толстой выразилъ Императору Александру свое мнѣніе, что этотъ орденъ нельзя носить рядомъ со св. Андреемъ Первозваннымъ—и до конца жизни (1816 г.) Н. А. Толстой не получилъ Андрея.

ходящій для той отвѣтственной роли, которая на него возлагалась императоромъ французовъ.

Арманъ-Луи де Коленкуръ (Armand-Louis de Caulaincourt, duc de Vicence, 1775—1827) происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Пикардїи, вступилъ съ юныхъ лѣтъ на военную службу, въ 1793 г. былъ заключенъ, какъ и многіе другіе, но случайно освобожденъ, а послѣ 9 Термидора былъ назначенъ адъютантомъ къ генералу Оберу (Auber-Dubayet). Коленкуръ сопровождалъ этого генерала съ дипломатической миссіей въ Венецію и Константинополь. Въ 1799 г., въ качествѣ полковника 2-го кирасирскаго полка, Коленкуръ отличился въ сраженіи подъ Гогенлинденомъ. Спустя два года, въ 1801 г., онъ находился въ свитѣ генерала Эдувиля (Hédouville), назначеннаго для переговоровъ въ Петербургъ, и, прибывъ раньше своего начальника въ нашу столицу, впервые познакомился съ Императоромъ Александромъ, произведя на Государя наилучшее впечатлѣніе.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Россіи, Коленкуръ былъ назначенъ адъютантомъ къ первому консулу, при провозглашеніи имперіи сдѣланъ оберъ-шталмейстеромъ двора Наполеона (*grand-écuyer*) и сталъ скоро однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ французскаго императора. Въ 1804 году Коленкуръ былъ ошибочно замѣшанъ въ дѣлѣ арестованія герцога Ангїенскаго, такъ какъ въ это же время ему было поручено произвести другіе аресты эмигрантовъ на территоріи Бадена. Это подозрѣніе глубоко оскорбляло Коленкура и омрачило его послѣдующую жизнь, въ виду того, что толки о его соучастіи въ этомъ гнусномъ дѣлѣ усиленно рас-